

Солженицын 29.07.09

Русский курьер — 2004 — 29 июня — с. 24

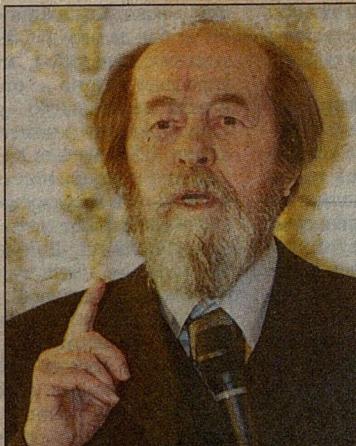
Путешествие из Владивостока в Москву

Константин КЕДРОВ

В 1994 году писатель, насилием выдворенный из Советского Союза, после долгих сомнений и колебаний вернулся в Россию. Он не очень ясно представлял, куда возвращается. Да и какая тут могла быть ясность, если даже мы, пережившие всей страной два путча, все меньше и меньше понимали, что происходит.

Президентский поезд, предоставленный живому классику, пересек с ним страну от Владивостока до Москвы, став невольной пародией на сталинский фильм «Поезд идет на Восток». Знал ли Тихон Хренников, тогда молодой композитор, в тельняшке и с баином распевавший: «Спом, друзья, путь далек / на Дальний Восток», — что спустя почти полвека на таком поезде уже в обратном направлении поедет по стране узник ГУЛАГа, убежденный противник советской власти, много лет проживший в изгнании в США. Нет, не зря Сталину тогда не понравился фильм. Он покинул зал со словами: «На этой станции мы с Ворошиловым сойдем». И вышел.

Александр Исаевич не верил, что в России Ельцина парит полная сво-

бода слова. Он ехал в поезде президента, критиковал всю дорогу его политику, внутреннюю и внешнюю, но это был выстрел из пушки по воробьям. Все, что говорил великий изгнаник, было уже десятки и сотни раз высказано по всем программам и во всех газетах. Солженицын превратился в живое эхо Зюганова — Жириновского, не подозревая об этом.

На Ярославском вокзале Александра Исаевича встречали: изум-

Солженицын десять лет спустя

ленный скульптурный Ленин, который и сейчас стоит там с раскоряченными руками; коммунисты с плакатами «Солженицын — агент ЦРУ»; благодарные бывшие узники концлагерей; Юрий Калякин и колдун Кулебкин со своими стихами, зажатыми в руке. Эту рукопись он первым протянул Солженицыну, а тот по незнанию зачем-то эту рукопись взял. Мне эта сцена показалась весьма и весьма символичной. Тень колдуна Кулебкина не оставляла и не оставляет бывшего вермонтского затворника. Иногда даже кажется, что именно он нацептал писателю странную фразу: «В Америке соловьи не поют». Или: «В России нет опасности фашизма».

Интересно, прочел ли писатель плакат, который держал бывший узник. Я тоже встречал Александра Исаевича и стоял под этим плакатом. Там от руки были начертаны такие слова: «Солженицыну спасибо! / На-

ши муки описал / ГУЛАГ фашистский красный / всему миру показал».

Так или иначе, но возвращение Солженицына из Вермонта, о необходимости которого говорили антикоммунисты и антибольшевики, свершилось. Потом было выступление писателя в Думе, из которого запомнилась фраза (привожу, как помню): «Никто не смеет покуситься на культурную автономию, но денежки вроят». На этом месте Ельцин, с интересом внимавший каждому слову, даже слегка, как-то под углом, пристал.

В своем железнодорожном турне из Владивостока в Москву Солженицын как бы повторил знаменитое путешествие из Петербурга в Москву Радищева. Ясен был и контекст: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала!» Вслед за Радищевым Солженицын имел полное право воскликнуть: «Звери алчные, пиявицы нена-

сытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, — воздух». И оба писателя, несмотря на разницу времен и маршрутов, увы, абсолютно правы. Радищев затем последовал путем обратным, как бы на встречу поезду Солженицына, в Сибирь. А Солженицын, слава Богу, в специальном автобусе был доставлен в свою резиденцию, на подмосковную дачу.

Быть трибуном в условиях полной свободы слова просто невозможно. Все, что ты хочешь произнести, будь ты хоть Цицерон, хоть Радищев, хоть Солженицын, за тебя скажут десятки, сотни и тысячи публичных политиков и журналистов. Скажут бойче, громче и четче, потому что это их профессия — говорить.

Вот сейчас, когда от былого свободословия, которое сам Солженицын вслед за Зюгановым назвал «разнуданностью», остались жалкие отголоски, вероятно, вполне возможно и даже неизбежно появление нового Солженицына. Но вряд ли это будет сам Александр Исаевич. Он сказал все, что хотел сказать, в «Архипелаге ГУЛАГ», сказал гениально — «создал песню, подобную стону и...» А из песни слова не выкинешь!